

Дарья Хлевнюк

Alexander Etkind, Rory Finnin et al. *Remembering Katyn*. Cambridge: Polity Press, 2012. 200 pp. ISBN 978-0-7456-5576-5.

Дарья Хлевнюк. Адрес для переписки: Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, ул. Петровка, 12, офис 404, Москва, 107031, Россия. dkhlevnyuk@hse.ru.

Создание Европейского союза – это формирование не только единого экономического и политического пространства, но и пространства памяти. Европейские страны пытаются свести к минимуму свои разногласия, в том числе разногласия на почве истории. Однако между Западной и Восточной Европой проходит граница двух культур памяти. Майер (Maier 2002) противопоставляет «горячую» память о Холокосте и «холодную» память о сталинских преступлениях: туристы, пишет он, посещают бывшие нацистские лагеря, например Аушвиц, но мало кто ездит в Катынь. Это разделение точно описывает сложившуюся за последние десятилетия ситуацию. В Западной Европе Холокост воспринимается как общая история, способная объединить разные страны. В Восточной Европе, долгое время находившейся под влиянием советской пропаганды, Холокост замалчивался (Judt 1992). Даже по прошествии нескольких десятилетий свободы эти общества так и остались относительно равнодушны к памяти о Холокосте, но зато чрезвычайно чувствительны к памяти о сталинских преступлениях. Представители западноевропейских стран ожидали от восточноевропейских государств – кандидатов на вступление в Европейский союз – признания участия в преступлениях Холокоста и введения общеевропейских мемориальных дат в память о его жертвах (Droit 2007). Страны Восточной Европы, в свою очередь, требовали признания сталинских преступлений аналогичными Холокосту (Assmann 2013).

Книга «Помня о Катыни» – коллективный проект историка культуры и слависта Александра Эткинда (Кембридж) и кембриджских славистов и историков Рори Финнина (Rory Finnin), Уиллеама Блэкаера (Uilleam Blacker), Саймона Льюиса (Simon Lewis) и Джули Федор (Julie Fedor), а также Марии Мьялскоо (Maria Mälksoo, Тартусский университет) и Матильды Мроз (Matilda Mroz, Университет Гринвича). Она посвящена Катыни как общему для стран Восточной Европы символу преступлений советского режима.

На одной из первых страниц мы видим карту Восточной Европы: Польши, стран Прибалтики, Украины, Белоруссии и России. Книга посвящена коллективной памяти о Катыни в этих странах. На карте отмечены лагеря, где содержались польские офицеры, места их расстрелов. Мы видим, что география катынского преступления шире, чем Катынский лес или село Катынь, она охватывает территорию Украины, Белоруссии и России.

Авторы начинают книгу с исследования памяти о Катыни в Польше (первая глава – «Катынь в Польше») и обращают внимание на уникальность этого события для польской коллективной памяти: в отличие от нацистских или сталинских лаге-

рей, у катынского преступления почти не осталось свидетелей. «Никто не мог помнить убийства, поэтому все должны их помнить» (с. 14). Память о Катыни объединила страну не только потому, что стала общим травматическим воспоминанием, но и потому, что за нее пришлось сражаться, ведь правда об этой трагедии долгое время скрывалась. Только тогда, когда она стала постепенно известна, появилась возможность о ней скорбеть.

Ключевую роль в процессе реконструкции памяти сыграл фильм Анджея Вайды «Катынь» (2007). Как пишут авторы книги, ссылаясь на работы Зигмунда Фрейда, горе – это процесс переживания потери, который заканчивается в случае отстранения горющего от объекта утраты. Однако в более поздних работах Фрейд склонялся к тому, что, вероятно, горе не всегда можно преодолеть. Так, в польских визуальных медиа скорбь по Катыни стала бесконечным процессом. Вайда видел роль своего фильма в том, чтобы исцелить эту травму. Как отмечают авторы во второй главе («Катынь в фильме “Катынь”»), режиссер позволяет зрителям стать свидетелями катынских расстрелов и таким образом простишься с жертвами (с. 52).

В третьей главе («Катынь на Украине») анализируется роль фильма Вайды в реконструкции украинской памяти. Фильм открыл путь к дискуссии о ранее скрываемых преступлениях советского режима. Как и Холокост, Катынь стала именем нарицательным, которое в разных контекстах отсылает к разным, но схожим событиям. «Украинской Катынью» стали называть пытки и убийства тысяч украинцев и других советских граждан, организованные НКВД в 1937–1938 годах в Виннице. Позже, чтобы стереть память об этом преступлении, на месте массового захоронения жертв был разбит Центральный парк культуры и отдыха им. Горького. В 2008 году Вайда был удостоен украинского ордена Ярослава Мудрого, поскольку, по мнению властей, его фильм пролил свет не только на прошлое Польши, но и на прошлое Украины (с. 54).

В Белоруссии, которой посвящена четвертая глава («Катынь в Белоруссии»), жертвы катынского преступления были захоронены в лесу Куропаты. Как и в отношении останков, найденных в самой Катыни, советское правительство сначала утверждало, что тела, найденные в Куропатах, принадлежат жертвам нацистов, и только в 1980-е годы признало вину НКВД. Президент Белоруссии Александр Лукашенко продолжил политику избирательной исторической памяти. Белорусский список катынских жертв так и не найден, несмотря на то, что в 2010 году Лукашенко пообещал польским журналистам лично заняться вопросом его поисков, отметив, однако, что большинство ключевых документов, скорее всего, находится в Москве. Белорусские власти не отрицают преступлений Катыни, но предпочитают не заострять на них внимание. Так, они отказались вносить лес Куропаты в список ЮНЕСКО, объяснив это решение тем, что Куропаты играют важную роль в истории Белоруссии, но не в мировой истории. В отличие от Польши, для Белоруссии Куропаты и Катынь так и остались на задворках коллективной памяти.

В пятой главе («Катынь в странах Прибалтики») представлен анализ памяти о Катыни в Эстонии, Литве и Латвии. Как и для украинцев, для жителей этих стран фильм Вайды стал фильмом об их прошлом. Такое восприятие было связано с тем,

что Катынь стала символом, объединяющим их в борьбе за международное признание преступлений советского режима.

Куда более сложная ситуация сложилась с восприятием Катыни в России. (шестая глава книги – «Катынь в России»). Власти до 1990 года отрицали Катынь, но российские президенты несколько раз публично признавали вину СССР: Борис Ельцин в 1992 году, Владимир Путин в 2002-м, Дмитрий Медведев в 2009-м. Авторы задались вопросом о том, почему российским властям потребовалось принести несколько публичных извинений и почему всякий раз вместо полного признания вины предлагались объяснения произошедшему. В частности, Катынь интерпретировалась властями не как самостоятельное происшествие, но как одно из событий польско-российского противостояния, начавшегося много столетий назад. Тем временем семьи погибших до сих пор не могут добиться реабилитации своих близких.

Поскольку катынский вопрос вызывал большую напряженность в отношениях между Россией и Польшей, решение организовать совместные юбилейные мероприятия в Катыни в 2010 году имело огромное значение. В том же году президент Медведев заявил о награждении Вайды орденом Дружбы, а фильм «Катынь» был показан по каналу «Культура».

Однако, как пишут авторы в седьмой главе («Катынь в Катыни»), работа над памятью о Катыни началась еще раньше, в 2000 году, когда на месте преступления был открыт мемориал. Решение об открытии вызывало множество опасений в обеих странах. В Польше под вопрос ставили решение о создании кладбища на территории России (вместо перенесения останков в Польшу). В России по разным причинам также опасались отдавать землю под мемориал. Помимо этого, и сама задача создания мемориала была непростой: архитекторам было необходимо соединить мемориалы польских и советских граждан в едином комплексе, что было, очевидно, сложной концептуальной задачей, а также обозначить захоронения советских граждан, о которых до сих пор не имеется достаточной информации.

Официальному юбилею Катыни было не суждено состояться. Самолет, на котором летел президент Польши и другие официальные лица, разбился рядом со Смоленском. Это событие в Польше назвали второй Катынью. Россияне скорбели вместе с поляками, множество людей пришло к посольству Польши выразить свои соболезнования. В Польше это было воспринято как шаг в сближении двух стран и знак возможности диалога о трагическом прошлом. Однако новое президентство Путина, начавшееся в 2012 году, по мнению авторов, скорее всего, означает откат в политике десталинизации, а значит и в отношениях между Россией и Польшей (с. 146).

Эткинд, Финнин и их соавторы представили в своей книге краткое, но насыщенное описание восприятия Катыни в разных государствах Восточной Европы. Они показали, что Катынь в этих странах является символом, сопоставимым по значимости с Холокостом в Западной Европе. Однако, несмотря на обилие фактического материала, книге недостает более глубокого анализа. Например, Катынь рассматривается авторами отдельно от других не менее (а иногда и более) влия-

тельных коллективных воспоминаний – таких, например, как Голодомор на Украине. Страны Восточной Европы представлены вне контекста, связанного с их претензиями друг к другу, – «войн памяти», касающихся их общего проблематичного прошлого. Несмотря на эти ограничения, данная работа представляет обстоятельный анализ превращения Катыни в символ преступлений советского режима и будет интересна исследователям памяти стран Восточной Европы и общеевропейской памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Assmann, Aleida. 2013. "Europe's Divided Memory." Pp. 25–41 in *Memory and Theory in Eastern Europe*, edited by Uilleam Blacker, Alexander Etkind, and Julie Fedor. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Droit, Emmanuel. 2007. "Le Goulag contre la Shoah." *Vingtième Siècle: Revue d'histoire* 94(2):101–120.
- Judt, Tony. 1992. "The Past Is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe." *Daedalus* 121(4):83–118.
- Maier, Charles S. 2002. "Hot Memory ... Cold Memory: On the Political Half-Life of Fascist and Communist Memory." *Transit: Europäische Revue* 22:153–165.